

УОЛЛСТРИТОВЕЦ: — Наконец наша конституция принимает надлежащую форму!

К Р О К О Д И Л

ДАВНО БЫ ПОРА!

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

— Центр не принял нашу заявку на кирпич. Что же нам остаётся делать?
— Кирпич!

Открытое письмо

Начальнику управления санаториями и домами отдыха ЦК союза рабочих железнодорожного транспорта тов. КАЧАЛКИНУ

Уважаемый Алексей Фёдорович!

Солнечное лето на исходе. Но тысячи отпускников-железнодорожников продолжают прибывать в руководимые Вами дома отдыха и санатории. И это, очевидно, радует Ваше сердце.

Ещё бы! Вы можете гордиться своей работой. Не каждому можно доверить руководство текущим ремонтом человеческого организма. Это дело куда более деликатное, чем текущий ремонт четырёхосных вагонов или, скажем, магистральных паровозов. Многие завидуют Вам, Алексей Фёдорович! «Очень уж приятно,— говорят они,— когда можно взвесить, увидеть и даже услышать плоды трудов своих».

Их можно взвесить, взвесив отпускника.

Их можно увидеть, увидев на его лице румянец и загар.

Их можно услышать, услышав беззаботный, весёлый, жизнерадостный смех отдыхающего.

Мы очень огорчились, Алексей Фёдорович, когда вместо весёлого и беззаботного смеха вдруг послышались недовольные восклицания и возмущённые возгласы. Мы получили письмо из Тутальского дома отдыха, в котором отпускники жаловались на неустроенность своего быта. Они писали, что парк в доме отдыха запущен, пляж не оборудован, лодок не найдёшь, а к реке из-за отсутствия лестниц можно спуститься лишь при помощи подручных средств.

В конце письма сообщалось, что дом отдыха часто освещается копилками и это не способствует вечернему отдыху и развлечениям.

Мы отослали это письмо Вам, Алексей Фёдорович, и Вы ответили на него с чарующей быстротой. Вы написали: «...для электрификации дома отдыха установлен дизель мощностью 50 л/с, который обеспечивает нормальное электроосвещение всей территории». Затем Вы не без полемики сообщили: «...для катания отдыхающих по реке имеется лодочная станция с шестью лодками, которые отпускаются отдыхающим за плату, что, как видно, не особенно нравится авторам письма». Одновременно Вы утверждали: «Имеются женский и мужской пляжи, поэтому постройка купален здесь совершенно не обоснована». И наконец, сообщили нам о том, что предложили директору Тутальского дома отдыха «...построить лестницы для спуска к реке и беседки».

Откровенно говоря, Ваш ответ нас порядком умилил. «Вот она, оперативность! — подумали мы. — Отдыхающие пожаловались на освещение — и сразу же в доме отдыха появился двигатель и заработал во все свои пятьдесят лошадиных сил!»

Что же касается пляжей и лодок, то тут авторы письма явно сплывали. Вступили, как говорится, в конфликт с истиной. Выдумали, будто нет ни того, ни другого! До чего же кляузные люди! Вместо того, чтобы загорать на благоустроенном тутальском пляже или кататься на серебристой байдарке, они уединяются в душной комнате, чтобы при неверном свете каганца настрочить необоснованную жалобу!

С этими тяжёлыми мыслями о людской неблагодарности мы отправили (на всякий случай) Ваше ответное письмо на... проверку. И тут, Алексей Фёдорович, случилось нечто непредвиденное. Ваше письмо не выдержало даже лёгкого соприкосновения с фактами.

Оказалось, что, несмотря на наличие дизеля, в доме отдыха все пользуются копилками. Нет здесь и благоустроенного пляжа, так же, как нет и лодочной станции. Байдарки, шлюпки и парусники существуют лишь в Вашем ведомственном воображении.

Разрешите также проинформировать Вас о том, что территория дома отдыха не огорожена и является местом выпаса мелкого и крупного скота. Что же касается Ваших указаний относительно постройки лестниц для спуска к реке, беседки и прочего, то с таким же успехом Вы могли бы предписать директору воздвигнуть высотное здание или оперный театр. Вы дали руководящие указания, но забыли выделить достаточно средств на благоустройство и ремонт дома отдыха. А без особых затрат можно только сочинять письма-отписки, что Вы и сделали. И совершенно напрасно. Такой вид творчества не украсит Вашу административно-хозяйственную деятельность.

Об этом мы и решаемся с прискорбием сообщить Вам.

КРОКОДИЛ

ПЯТЬДЕСЯТ

Вопрос о правильном использовании соломы приобретает порой большое значение. Недаром старая поговорка говорит: «Кабы знал, где упасть, так бы соломото подостлал».

Эх, кабы знал это тов. Тропашко, он бы весь путь от города Боровичи до Москвы устлал соломой!

Да, здесь, на этом пути, он зело пострадал. Более того, из-за его поездки в Боровичи потеряло покой большое количество людей — столько, сколько указано в заголовке фельетона.

Сотрудник Водоканалпроекта тов. Тропашко два года тому назад съездил в Боровичи, благополучно вернулся, написал авансовый отчёт на израсходованную во время поездки сумму. Отчёт проверил, нашёл правильным и утвердил главный бухгалтер тов. Фомичёв. Украсил его своей визой и заместитель директора тов. Носов.

Но вскоре главный бухгалтер, тот самый, который три месяца назад признал отчёт безукоризненным, обнаружил там якобы ошибку с точными и квартирными. И, обнаружив, пришёл к выводу: надо взыскать с Тропашко ровно 328 рублей, как одну копейку!

Основания? Никаких. Откуда взята цифра в 328 рублей? С потолка Водоканалпроекта.

Вокруг авансового отчёта начала собираться толпа. Сначала было всего три человека: главный бухгалтер Фомичёв, заместитель директора Носов и начальник Главстройпроекта Гусев.

Дело пошло в суд. Судил народный судья второго участка Дзержинского района г. Москвы тов. Сетунов с участием народных заседателей тт. Соколова и Лаврентьевой, при секретаре тов. Тимофеевой.

Ещё четыре человека, а итого — семь.
Дело перешло в судебную коллегия по гражданским делам Мосгорсуда. Им занялись ещё три человека, а итого — десять.

Дело перешло в судебную коллегия Верховного Суда РСФСР. Здесь его разбирали ещё четыре человека. А итого — четырнадцать.

Судебная коллегия Верховного Суда отменила решение нарсуда и определение Мосгорсуда (и то и другое не в пользу тов. Тропашко) и передала дело на новое рассмотрение.

Рассмотрение состоялось в народном суде третьего участка Дзержинского района. Судья — тов. Шишкин, народные заседатели — тт. Кирсанов и Липатова, секретарь — тов. Майорова.

Ещё четыре человека. А итого — восемнадцать.

Дело пошло опять в Мосгорсуд. Там занимались им ещё три человека, а итого — двадцать один.

Потом дело перешло в судебную коллегия по гражданским делам Верховного Суда РСФСР. Председательствует тов. Николаева. Заседают члены суда тт. Медведева и Чубинский.

Ещё три человека, итого — двадцать четыре.

Судебная коллегия установила, что Тропашко должен вернуть не 328 рублей, а всего 106 рублей 60 копеек. Но Тропашко не согласен ни с рублями, ни с копейками.

Тогда высказала свою точку зрения судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда СССР. Председатель этой коллегии тов. Макогонов признал, что решение Верховного Суда РСФСР не подлежит отмене.

Ещё один человек, а итого — двадцать пять.

Дело поступает к генеральному прокурору СССР.

Ещё один человек, а итого — двадцать шесть.

После протеста генерального прокурора дело опять поступает в судебную коллегия по гражданским делам Верховного Суда СССР. Выносятся определения «Отменить все состоявшиеся по делу судебные решения и определения и в иске Водоканалпроекта к Тропашко С. Н. о взыскании 328 рублей отказать»...

Ещё четыре человека. Итого — тридцать.

Мы остановились на цифре тридцать. Но это не совсем точно. Надо считать, что этим делом за два года занимались также не меньше десяти машинисток и десяти курьеров (в круглых цифрах).

Ещё двадцать человек, а итого — пятьдесят.

Как же могло случиться, что необоснованное подозрение одного бухгалтера вызвало такую сумятицу?

Ответ на этот вопрос мы частично находим в определении Верховного Суда СССР, где, между прочим, сказано: «Суд в обстоятельствах дела не разобрался».

Почему не разобрался? Потому что не хотел глубоко вникнуть в суть дела. Невнимание к людям, к их делам, к их жалобам — вот источник бюрократизма и волокиты.

А может быть, путаница произошла потому, что работники суда нетвёрдо знали советские законы? Но, как известно, на незнание законов никто не может ссылаться... даже судьи!

Г. РЫКЛИН

СЛУЧАЙ НА ВЫСТАВКЕ

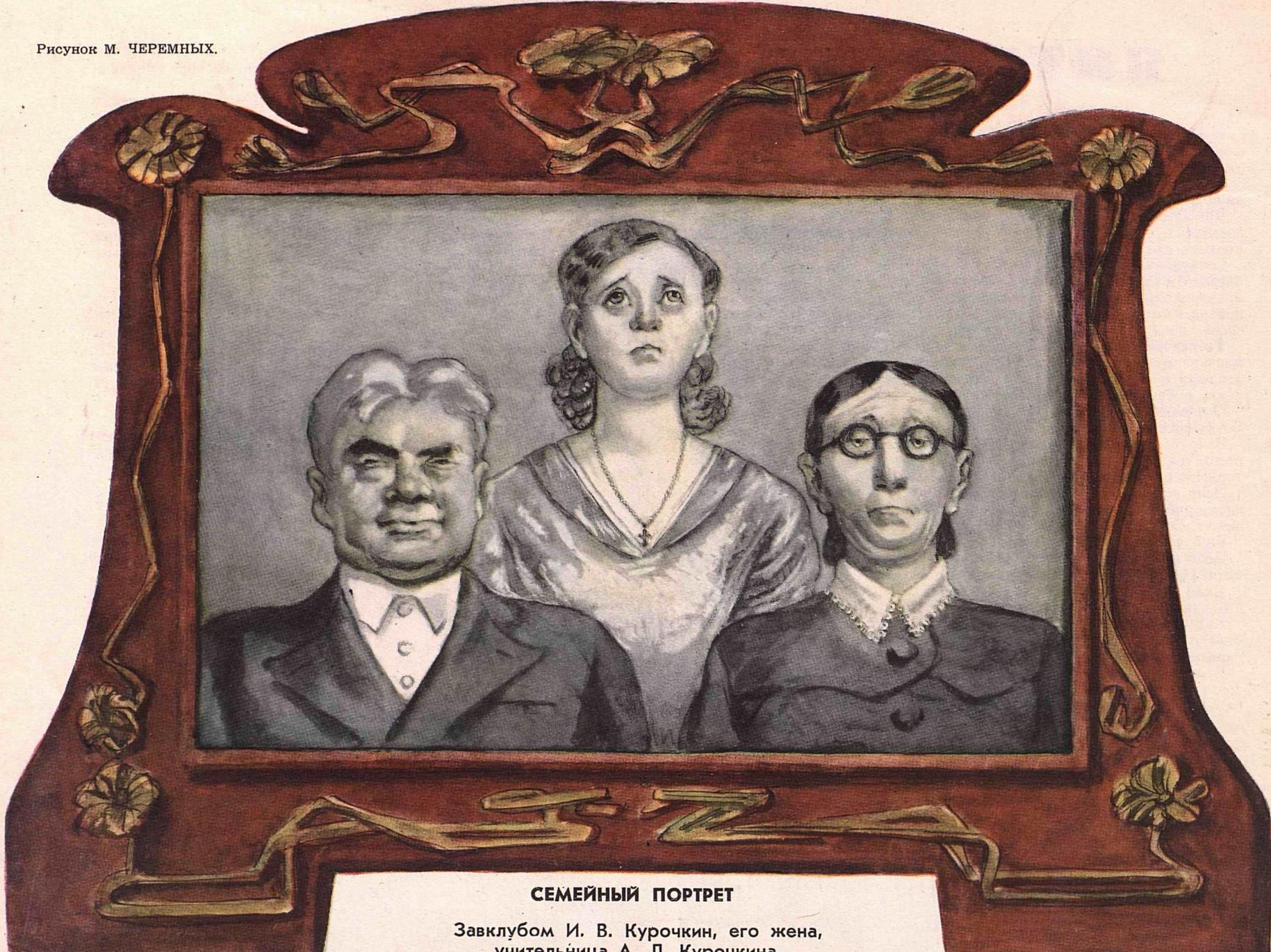
Рисунок А. БАЖЕНОВА.

— Таковую пшеницу мог вырастить только величайший агроном!

— Да вот и он!

СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ

Завклубом И. В. Курочкин, его жена,
учительница А. Л. Курочкина.
Крестиком отмечена их дочь Варя.

И. ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

Гарнир бабки Лукерьи

Захлопнуты папки,
отложены перья.
У всех на уме
только хрен да укроп.
— Куда ж подевалась бабка Лукерья?
Поставки лукерьины
вгонят нас в гроб!
Звонки нарушают покой кабинетов:
— Лукерья опять подложила свинью!
Бульон закипает,
а зелени нету...
Попробуй-ка тут обеспечить меню!
С утра лихорадка трясёт рестораны,
И в тресте солидном
волнение с утра.
— Гарнир под угрозой!
Скисает сметана!
У плит раскалённых грустят повара.
Трясёт и Лукерью с утра лихорадка.
Знобит...
Неохота покинуть кровать,
Но свежая зелень поспела на грядках —
И хочешь не хочешь,
а надо продать!
Сняла урожай,
уложила в кошёлку,
Чайку напилась,
перемыла горшки,
Платком повязалась
добротного шёлка —
И в путь,
понесла продавать корешки.

Тем временем трест насаждает на базу,
В прорыве
снабженцев безруких вина.
Завбазой бубнит затвержённую фразу:
— Укропа и хрена?
Их нет у меня!
Угрюмый сидит замдиректора треста,
В тоске
шевелюру ероша рукой.
— Ну, чем же нам сдобрить продукцию
вместо

Укропа
и прочей петрушки такой?
Всему эта бабка Лукерья виною!
Допустим, не будет укропа —
простят...
Но как же без хрена подать заливное
И, страшно подумать о том,
поросят?!
Молчанье.
И вдруг раздаётся за дверью
Дискант секретарши
свирили нежной:
— Звонили из «Чайки»,
что бабка Лукерья
На подступах к точке.
Кошёлка при ней!..
Проблема снята.
Заиграли улыбки,
Повеяло ветром обыденных дел.
Фундамент под трестом,
казавшийся зыбким,
Внезапно устойчивым стал,
затвердел.
Вот, собственно, всё
о «поставке» злосчастной,
Но нас не гарнир беспокоит,
а те
Дельцы,
что в делах государственных
часто.
У бабки Лукерьи
плетутся в хвосте.

АБРИКОСОВЫЙ КОМПОТ

Николая Александровича ввели в кабинет дежурного врача Кизяевой. Врач взглянула на вошедшего и по его нетвёрдой походке поняла, что перед ней человек во хмелю. И хотя самый факт опьянения не вызывал никакого сомнения (глаз на этот счёт у милицеевских врачей намётанный), Кизяева, тем не менее, провела полагающиеся на сей случай исследования. Первое впечатление оказалось правильным, поэтому врач, составляя акт, задала вопрос:

— Что пили: коньяк или водку?

— Ни-ни,— сказал Николай Александрович,— ни синь пороха.

— А виный дух откуда?

— И этот дух и лёгкое кружение в голове,— пояснил Николай Александрович,— у меня не от алкоголя, а от компота.

— От какого компота?

— Абрикосового. Моя жена всегда поливает фрукты ложкой рома. От этого у компота и вкус становится приятнее и аромат благородней...

Николай Александрович говорил про абрикосы и чувствовал, что его оправданиям никто в милиции не верит. Ему бы взять да и честно признаться, с чего началось у него лёгкое кружение в голове. А началось оно и в самом деле за обедом. Но совсем не от компота... Николаю Александровичу после обеда лечь бы на диван да выпастись, а ему внезапно пришла в голову фантазия проехаться по городу на машине. И вот он выкатил из гаража «Победу», сел за руль и «проехался». Да не как-нибудь, а «с ветерком». Результаты такой езды не замедлили сказаться. На Тверском бульваре он сшиб ученика десятого класса школы № 167.

Николай Александрович Цаголов по служебному положению не шофёр, а профессор политической экономии. И вот уже который день солидный профессор пытается убедить работников милиции, что виновником происшествия является не он, а абрикосовый компот. Цаголов приводит в доказательство даже рецепты из различных поваренных книг, называет источники, которые он цитирует. Например, Е. Молоховец — «Подарок молодым хозяйкам», том второй, страница 157, глава «Сладкие блюда».

Елену Молоховец обвиняет за езду «с ветерком» не только сам Цаголов (зачем-де она учит класть в компот ложку рома), но и его заступники. А таковых оказалось больше, чем нужно. И каждый из них бил челом в ОРУД. А заступники были людьми почтенными, авторитетными. Среди них были профессоры МГУ и члены-корреспонденты Академии наук. И все они говорили как от собственного имени, так и от имени возглавляемых ими ректоров и деканатов, и все требовали только одного: оправдания для Цагорова. И ни у кого из них не нашлось ни одного слова, чтобы осудить его поступки.

Вячеслав Сергеевич Фриновский не прячется за блюдом с абрикосовым компотом. Он тоже решил проехаться по городу «с ветерком». В результате ещё одно происшествие.

Фриновский — врач. И как врач он вслед за одним преступлением совершил и второе. Вместо того, чтобы остановиться и оказать медицинскую помощь тяжело раненному, он удраг, оставив на ночном шоссе искалеченного человека.

Фриновского удалось догнать только у города Люберцы, и не успели его доставить в Москву, как на столе у работников милиции началась бесконечная телефонная трель. Это звонили заступники — руководители Института акушерства и гинекологии, профсоюзные работники, члены коллегии Министерства здравоохранения.

Мастер спорта Ю. В. Озеров совершил ещё более серьёзное преступление. В пьяном виде он сбил человека и вместо того, чтобы отвезти тяжело раненного в больницу, завёз его на тёмную, далёкую окраину и, сбросив там, скрылся. И что бы вы думали? У Озерова тоже нашлись и заступники и ходатаи. К следователю ОРУДа явилась целая делегация из Московского городского совета общества «Динамо». Здесь были секретари партийной и комсомольской организаций, тренеры. И у всех тот же самый разговор:

— Озерова нужно простить, сделать ему снисхождение.

— За что?

— Озеров хорошо водит мяч в баскетболе и метко бросает его в корзину.

— И только?

— А этого разве мало?

Мало. Советский спортсмен должен уметь не только хорошо водить мяч, но и быть человеком высоких моральных качеств. Озеров опозорил имя мастера спорта, а члены общества «Динамо» вместо того, чтобы осудить поведение своего товарища, предпринимают всяческие меры, чтобы увести его от заслуженной кары.

— Лихачи — владельцы автомашин — находятся вообще в привилегированном положении, — жалуются нам работники ОРУДа. — Этим лихачам покровительствуют не только учреждения, в которых они работают, но и судебные работники.

— Каким же это образом?

А вот, оказывается, каким. В первые годы революции, когда составлялся Уголовный кодекс, у нас в стране не было ещё широко развитого автомобильного транспорта. Поэтому специальной статьи, посвящённой автохулиганам, в кодексе нет. Шофёры государственной машины за пьяную аварию судят как за должностное преступление на транспорте. Судить по этой же статье шофёров-любителей нельзя, так как любители садятся за руль машины не по должности или обязанности, а из личного удовольствия. В результате преступление

владельца собственного автомобиля обычно приравнивается к нарушению правил уличного движения.

Десятки тысяч людей владеют сейчас личными автомобилями. Это хорошо. Плохо лишь то, что не каждый из владельцев, который садится за руль, умеет управляться с ним. Да и откуда взяться этому умению, если учёба автолюбителей идёт по упрощённой программе: несколько лекций, две — три поездки с инструктором — вот и всё. Пора наконец организовать для владельцев машин настоящую учёбу.

Но среди действительных автолюбителей есть неисправимые автолихачи, которых нужно не учить, а лишать водительских прав.

— Мы давно ходатайствуем перед Верховным Судом СССР, — говорят работники милиции, — чтобы он помог нам избавиться от двойной бухгалтерии в судопроизводстве. Человеку безразлично, на какой машине ехал пьяный лихач, который его покалечил.

Несчастные случаи от неосторожной езды растут, а судьи вместо того, чтобы наказывать виновников, попрежнему делают им всяческие поправки: ограничиваются уговорами, денежными штрафами, общественным порицанием. Что же касается Николая Александровича Цагорова, то ему не вынесли даже общественного порицания. Прокурор Советского района Москвы вообще приостановил следствие по его делу.

Странное и непонятное решение. А кто же, как не сам Цаголов, должен отвечать за езду по городу с не дозволенной скоростью и за увечье, нанесённое школьнику? Может, и в самом деле виновником этого тяжёлого происшествия следует считать абрикосовый компот с ромом?

Сем. НАРИНЬЯНИ

Рисунок В. ШУНЬКО, присланный на конкурс Крокодила.

— Не рано ли вы даёте ребёнку пить?
— А что, разве не все гости собрались?

Если из нашего районного городка Соломянки выехать на восток, обогнуть ветлечебницу, то встретите развилку: одна дорога пойдёт направо, другая налево. Вы смело поворачивайте налево, и через полчаса, если ехать автомашиной, попадёте в наш колхоз «Заря».

Объезжайте пруд, общественный двор, отсчитайте восемь хат, а девятая справа — хата председателя Хома Тарасовича Куцеволы. В ней три комнаты, и одна из них специально отведена для уполномоченного из района.

Понимаете, уполномоченные из Соломянки так зачастили к нам, что та комната никогда не бывает свободной. Один из представителей, Фёдор Платонович, прожил в ней чуть ли не четыре месяца. По совести сказать, мы и сами толком не знали, для чего, собственно, Фёдор Платонович тут находится. Он досконально изучил хозяйство артели «Заря»: знал породы свиней, понимал толк в сортах фруктов, разбирался, где гречневый, где липовый мёд на пасеке, а уезжая в субботу на воскресенье к себе в Соломянку, Фёдор Платонович и председатель долгоношко прикидывали на складе, что именно взять в качестве гостинца домой: то ли свежих карасей и окуньков, то ли кувшинчик медку, а то, бывало, целого поросёнка прихватят. Конечно, потом это оформлялось в конторе как шродажа.

Но, прошу учесть, не все у нас такие уполномоченные были. Один представитель, Лука Петрович Тараненко, оказался довольно-таки странным: к Хоме Тарасовичу не ходил, а оставался у сторожа, питался не с общественного склада, а посылал сторожиху в соседнее село на базар, платил за всё, что она приносила, — и мы заметили, что Хома Тарасович что-то не очень был в контакте с тем представителем.

Как вечер, так Лука Петрович лекцию в колхозном клубе читает или просто соберёт людей у конторы и допоздна с ними разбирает международные дела. Тогда же начала у нас выходить стенная газета, заработал кружок самодеятельности: тот представитель любил народные песни. Словом, очень запомнился нам уполномоченный Лука Петрович Тараненко.

Но Фёдор Платонович ничего такого не делал, проживал, как уже сказано, в комнате Хома Тарасовича, и чем они уж там занимались по вечерам, никто не знал.

Хома Тарасович во всём послушен был Фёдору Платоновичу. Если надо было решить какое-нибудь дело, он не спрашивал правление, а просто говорил: «Посоветуюсь с Фёдором Платоновичем».

Мало-помалу правление перестало существовать, и когда, бывало, созывается собрание или производственное совещание, за столом всегда восседают двое: председатель и представитель. И некоторые наши легкомысленные активисты начали даже в своих выступлениях говорить: «Фёдор Платонович дал указание... Фёдор Платонович нам подсказал... Фёдор Платонович нам посоветовал...» Колхозники привыкли к тому, что в артели два руководителя.

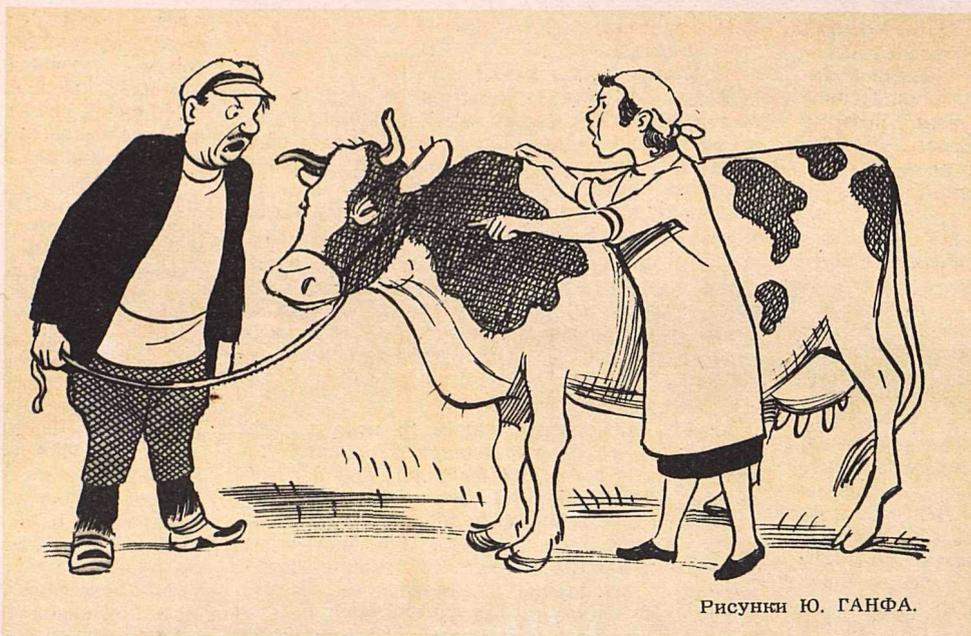
Настоящий конфликт разгорелся вот по какому поводу. В артели была очень хорошая корова, рекордистка Пивония. Вырастила её доярка Меланья, старательная и хорошая девушка. Бывали дни, когда Пивония давала по двадцать семь литров молока в день.

Однажды на ферму приехала подвода, позади которой была привязана худая коровёнка. Какой-то неизвестный человек отвязал ту худобу, повёл её в коровник, вывел Пивонию, привязал её к возу и хотел было выехать со двора. А тут как налетела Меланья, бледная, губы дрожат так, что она слова вымолвить не может. Находившийся здесь же председатель Хома Тарасович Куцевол побагровел.

— Что это? — с трудом выговорила Меланья. — Куда ведут

Олекса НОСЕНКО

ДАЛЬНИЙ РОДСТВЕННИК

Рисунки Ю. ГАНФА.

Пивонии? Ведь никакой выставки в Соломянке сейчас нет.

Хома Тарасович и говорит:

— Пивонии мы обменяли. Так постановило правление.

— Какое правление? — вскрикнула Меланья — и к Пивонии, давай её отвязывать.

Хома Тарасович к Меланье:

— Не трогай! Это согласовано с Фёдором Платоновичем.

— Не признаю я никакого Фёдора Платоновича! Чувствуя своё бессилие, Меланья махнула рукой и побежала в село.

А наша рекордистка уныло поплелась в Соломянку.

Рассказывали люди, что в тот же вечер было созвано правление, на котором Хома Тарасович разъяснил, в чём дело. Пивонию обменяли для

уполномоченного по заготовкам товара Хома Тарасовича. Ту худую коровёнку, что привели от уполноминзага, мы, мол, выкормим, раздоим, а главное, «нам нужно жить в мире и согласии с уполминзагом». Этот намёк не требовал никаких пояснений, Фёдор Платонович добавил, что уполминзаг — человек заслуженный, перенёс недавно операцию аппендикса, у него двое деток, так что ему надо помочь. А в артели «Заря» и без того много породистых телок: не одна Пивония вырастет!

Но события, как говорится, обострились, разгорелись, и причиной тому был комсомолец Гриць Куцевол, однофамилец нашего председателя.

Так вот, комсомолец Гриць Куцевол, работающий техником у ветродвигателя, и стал в центре событий. Мы и раньше знали, что он потихоньку пописывает в газеты и добрался уж чуть ли не до столичных.

Меланья и побежала к Грицю. И о чём уж они там говорили, только им известно.

Прошло недели две. Прибывает к нам уполминзаг Хома Тарасович. Снова было созвано закрытое заседание правления и ревизионной комиссии, а ту комиссию возглавлял Бухало, человек ничёмный, который рассуждал так: пусть лихо, лишь бы тихо.

Вскоре выяснилось, что на правлении разбирали корреспонденцию Гриця Куцеволы, присланную в райисполком на расследование. Расследовал её сам Хома Тарасович... И снова вынесли решение, что Пивонию обменяли с согласия правления и ревизионной комиссии. Захватив протокол, Хома Тарасович ночью выехал в Соломянку.

Село насторожилось, поползли разные слухи и догадки. А Гриць Куцевол ходил сам не свой. Но особенно он помрачнел и просто-таки осунулся, когда получил из киевской редакции ответ, будто его сигнал не подтвердился.

Вскоре было созвано собрание в связи с уборочной кампанией. За столом, как уже заведено, сидели Хома Тарасович и представитель Фёдор Платонович. Всё шло своим чередом, и собрание вот-вот должно было закончиться. Как вдруг выступает Гриць Куцевол, весь взволнованный, глаза блестят, рука едва успевает привести в порядок чуб, сползающий ему на глаза.

— Скажите, долго ли у нас в артели будут зажимать критику? — надломленным голосом произнёс Гриць.

— Это о чём? — сурово переспросил председатель.

— Вы знаете, о чём... Колхозное добро растаскивают!.. И вы в том не без греха, Фёдор Платонович. А что случилось с Пивонией? Почему моё письмо в редакцию вы рассматривали вместе с тем Хома Тарасовичем, про кого я писал? Где это видано...

— Ты не по существу! — прервал его Хома Тарасович.

А Фёдор Платонович склонил голову и на людей не смотрит.

— Я дело говорю! Нам всем надоела эта гнилая атмосфера!

— Садись и помолчи! — сверкнул глазами председатель колхоза. — Мы мобилизуемся на уборочную, а ты тут болтаешь... Разумник какой нашёлся! То, что взято со склада, оформлено. Бухгалтерия подтвердит. И Пивонию обменяли законно, на основании решения...

— Незаконное это решение! — вдруг крикнула Меланья.

— Ревизионная комиссия постановила, — продолжал защищаться председатель.

— Знаем бухаловскую тактику, — не сдавалась Меланья.

Тут вышел Сашко Мокроус, секретарь комсомола; он только вчера из больницы вернулся. Ещё слабый, ходит с трудом.

— Позвольте мне, Хома Тарасович... Я два месяца не был на селе, но, по рассказам наших комсомольцев, в артели делается что-то плохое, чем-то пахнет.

— Провокациями! — вставил словцо Фёдор Платонович.

— Подождите. Если вы хорошо знаете наших комсомольцев, то вам должно быть известно, что они передовики, какой бы участок производства ни взять. Правильно я говорю? — обратился Сашко Мокроус к залу.

— Правильно! — послышались дружные голоса.

— А вы, товарищ представитель, потворствуете председателю, вместе с ним грубо нарушаете устав, зажимаете критику... Скажите на милость, для каких это нужд отвезли в Соломянку три мешка яблок? На какую это дегустацию каждую субботу вывозятся сливки и мёд? Почему замолчали? Вы, Хома Тарасович, за спину ревизионной комиссии не прячьтесь, хоть у председателя ревизионной комиссии Бухало и широкая спина.

В зале прокатился язвительный смех, а кто-то захлопал в ладоши.

— Вот я и советую от имени комсомольской организации первым делом сегодня же вывести Бухало из ревизионной комиссии и на его место избрать Гриць Куцевола. А там дальше распутаем весь клубочек...

Бухало не заставил себя уговаривать.

— Я уже не раз просился... Я человек немолодой, да и ревматизм у меня...

Собрание загудело, послышались неясные голоса, один просит слова, другой горячо что-то доказывает своему соседу.

Однако Хома Тарасович не растерялся:

— Никаких тут выборов делать не будем. Надо сначала с районом согласовать. И, кроме всего, Гриць Куцевола не подходит, так как он мой родственник. Вы что же, хотите семейственность здесь развести?

По залу прошёлся шепоток: ведь в самом деле Гриць довольно председателю каким-то родственником.

— А какой он вам, собственно, родственник? — спросил с места Сашко.

— Факт, родственник. Вот пусть тётка Ганна Куцеволиха скажет.

Старенькая мать Гриць смутилась: она никогда не выступала на собрании, а тут требуют засвидетельствовать, кем именно Гриць доводится председателю. Женщина подошла к столу, испуганно посмотрела на зал, на Хому Тарасовича и подумала: «Лучше скажу, что родственник. Это когда-нибудь ещё и пригодится».

— Как же, родственник!

— Какой, вас спрашивают? — повторил Сашко. — У нас на селе Куцеволов наберётся с полтора десятка.

— Какой? — Тут Куцеволиха часто заморгала глазами. — Это ж его, — тут она показала на Хому Тарасовича, — тётки сестра, если припоминаете, аксентьева жена да его дядя, — тут она ткнула пальцем по направлению к Гриць, — так они были... Нет, не с того конца. Кирилл Куцевола, вот тот, что пьяный упал с мельницы и ногу вывихнул, так тот Кирилло приходится двоюродным дядей ему. — Она снова показала на председателя колхоза.

Зал задрожал от хохота. Ещё больше испугавшись и смутившись, Ганна замолчала и умоляюще смотрела на односельчан. А Хома Тарасович злобно постукивал карандашом по столу, жилы на шее надулись, как прутья, однако утихомирить собрание было нелегко.

— Родственники — десятая вода на киселе! — крикнул кто-то из задних рядов.

...Бухало единогласно вывели из ревизионной комиссии и избрали Гриць Куцевола, далёкого-предалёкого родственника Хомы Тарасовича.

Той же ночью Фёдор Платонович поспешно выехал в Соломянку...

Прошло недели две, долгих и напряжённых. Осунулся за это время Гриць Куцевола, подался с виду и Хома Тарасович. И вот в воскресенье было назначено собрание.

Собрание должно было уже начаться, как с улицы раздался радостный крик Меланьи:

— Ведут!

А сама припала к любимой рекордистке и чуть не плачет. Справедливость восторжествовала. Пивония заняла в коровнике своё законное место.

Началось собрание. Председатель говорил тихо, кое-какие цифры проглатывал, но мы уже и не придирались, ждали выводов ревизионной комиссии.

А тут приехал новый секретарь райкома, товарищ Мартынюк, а с ним новый уполномоченный из района. Вернее, это был наш старый знакомый, Лука Петрович Тараненко, тот самый, который, по мнению Хомы Тарасовича Куцевола, вёл себя странно и читал колхозникам лекции и доклады. Зашли они в зал, сели на первую скамейку и молча слушали доклад Гриць Куцевола. А тот докладывал довольно грустные вещи: много тонн яблок, зерна, винограда, рыбы, мёду и всякого другого добра растащили в колхозе с лёгкой руки Хомы Тарасовича. На складе были обнаружены записки из района: отпустите того, выдайте то да сё. Выяснилось, что не только Пивония, но ягнята, поросята и гуси также плыли в Соломянку.

Затем выступали колхозники, выступали смело. Секретарь товарищ Мартынюк их подбадривал: «Вы смелее, острее!» А наш председатель Хома Тарасович, замечаем, опускается всё ниже, чуть ли не прячется под стол, словно трус во время прозы. Набрался духу даже наш продавец из сельмага. Вышел и предъявил счёт, сколько всякого питья было взято председателем Куцеволом у него без денег, в кредит...

Вот выступил и сам секретарь. Такой речи давно у нас не было. Верите, в зале такая тишина, что слышно было, как муха, забившись между двумя рамами окна, жужжала жалобно и тоскливо.

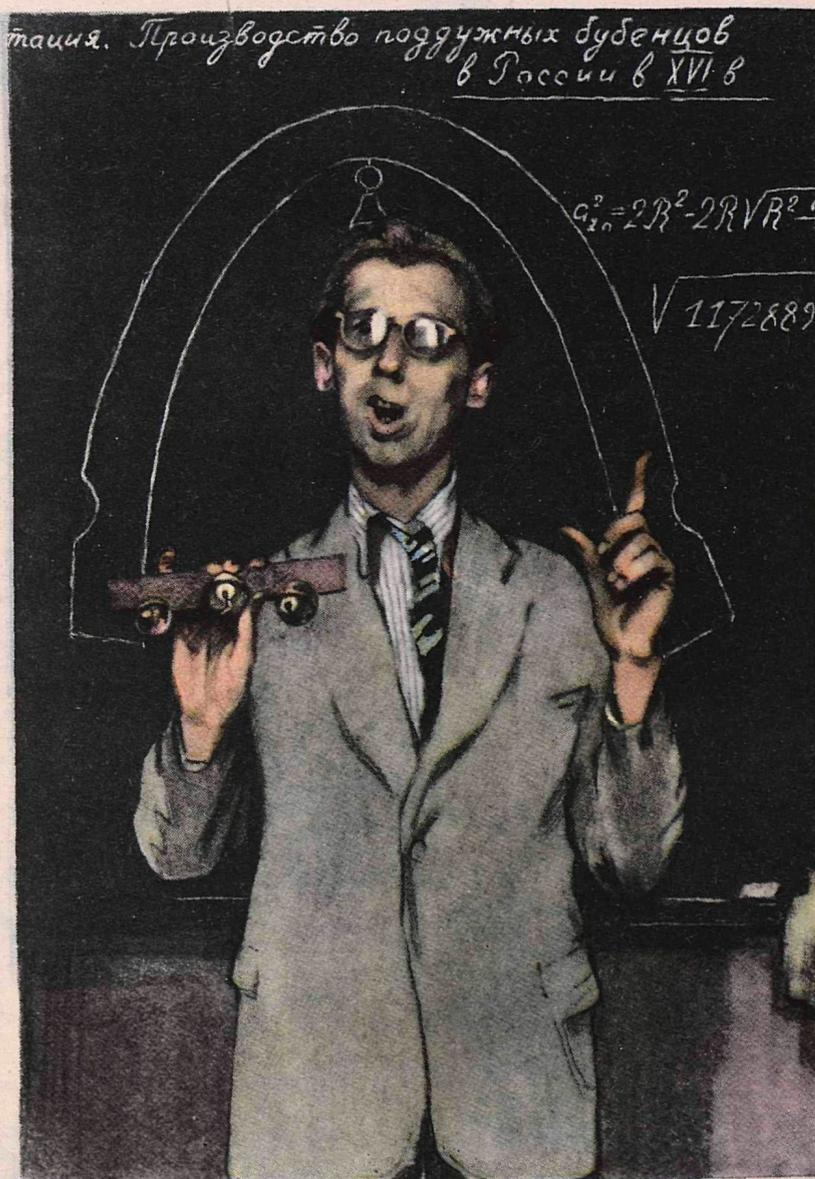
— Я должен довести до вашего сведения, — сказал секретарь, — что и Фёдора Платоновича, и Ховраха, и ещё кое-кого исключили... нет, выпнали из партии.

Вот что надела Гриць Куцевола, дальний родственник бывшего председателя Хомы Тарасовича Куцевола!

Перевод с украинского Е. ВЕСЕНИНА.

НА ЗАЩИТЕ ДИССЕРТАЦИИ

Рисунок А. ДАВЫДОВА, студента Художественного института имени Репина, присланный на конкурс Крокодила.

Слышен звон бубенцов издалека...

Пауль ШВАРЦ

ПРОФЕССОР МАЙЕР ОШИБАЕТСЯ

Бегемоты испуганно погрузились в воду, когда бельгийский вертолёт приземлился в девственном лесу на берегу Верхнего Конго. Фигуры местных негров исчезли в зарослях. Вокруг хижин заметались взволнованные куры и свиньи.

Бортмеханик выругался сквозь зубы и начал искать повреждение. Вдруг из одной хижины показался странного вида человек с огромной бородой.

— Что за дьявольское существо? — изумился пилот, протягивая руку к кобуре пистолета. — Да это, кажется, белый...

— Нужно его сначала помыть и побрить, тогда это можно будет, пожалуй, определить точнее, — возразил радист.

— Добрый день! — сказал незнакомец по-немецки. — Нет ли у вас с собой календаря? Мой не совсем в порядке. Какое сегодня число?

— Пятнадцатое апреля тысяча девятьсот пятьдесят четвёртого года, — ответил пилот, который понимал по-немецки. — Вы давно уже в этих краях?

— Давно ли я здесь? — простонал незнакомец. — Если, как вы сказали, сейчас пятьдесят четвёртый год, тогда как раз восемнадцать лет! Не знаю, покажется ли это вам много или мало... Простите, я не представился. Моя фамилия — Майер, профессор Фридрих Майер.

— Ну что ж, кажется, пора сменить вам место жительства, — сказал пилот. — Садитесь, господин Майер, в машину, у нас есть одно свободное место.

Тем временем было найдено и исправлено повреждение в моторе; вертолёт поднялся в воздух с профессором на борту.

* *

В полёте Фридрих Майер был довольно молчалив, только что-то бормотал про себя. Из его отрывочных фраз можно было заключить, что в 1936 году он в качестве сотрудника берлинского расово-политического управления участвовал в этнографической экспедиции и заблудился в лесах Конго. Туземцы не сделали ему ничего плохого, так как решили, что он немного помешанный, а сумасшедшие считаются в Конго даже святыми. Профессор Майер пытался познакомиться туземцев с идеями своего берлинского учреждения, но в ответ они лишь непонимающе покачивали головами.

В Леопольдвилле Фридриха Майера помыли, побрили, одели и посадили на рейсовый самолёт Британской авиационной компании, который доставил его прямо в Лондон. А там его препроводили в посольство Западной Германии.

* *

Швейцар посольства с интересом листал паспорт Майера и испытующе поглядывал на него. Профессор беспокойно ёрзал на стуле.

— Да, разумеется, — сказал он, — я знаю, о чём вы думаете... Могу ли я где-нибудь здесь уплатить партийные взносы?

— А в какой вы партии? В христианско-демократическом союзе?

— За кого вы меня принимаете?! — возмутился Майер. — Я старый национал-социалист. У меня задолженность за восемнадцать лет, но это не моя вина.

Швейцар в упор взглянул на Майера, потом снял телефонную трубку и поговорил с кем-то. Вскоре явился чиновник посольства и вежливо предложил профессору следовать за ним.

Они прошли мимо полуоткрытой двери, за которой кто-то диктовал что-то машинистке. Майер разобрал только отдельные слова: «...в отношении тактических мероприятий обратитесь в ведомство Бланка, которое занимается всеми военными делами...» Фридрих Майер невольно выпрямился. Вот оно, почти забытое, но такое дорогое!

Чиновник привёл его в элегантно обставленную комнату, видимо, приёмную, где профессор уже ожидал господин с чёрными усиками.

— Секретарь посольства фон Рейценштейн, — представил чиновник господина Фридриху Майеру.

Но Майер уже не обращал на них внимания. Он увидел на стене два портрета, которые вызвали в нем самые приятные воспоминания. Подойдя к одному портрету и привычным жестом выбросив руку вперёд, он несколько секунд смотрел на дорогие черты, которые, однако, показались ему несколько странными. «Ну, — подумал он, — время не проходит бесследно, оно не прошло бесследно и для фюрера...»

Затем Фридрих Майер повернулся к фон Рейценштейну, пожал ему руку и печально сказал:

— Я почти не узнал фюрера. Да, восемнадцать лет — срок немалый...

— Это не фюрер, — сказал секретарь посольства с мягкой улыбкой. — Это канцлер Аденауэр.

— Простите! — воскликнул Майер. — Вы должны извинить меня, ведь прошло так много времени...

Он быстро подошёл ко второму портрету и щёлкнул каблуками особенно громко, чтобы загладить свою ошибку.

— А это видный деятель дружественной нам Америки, — пояснил фон Рейценштейн.

Профессор Майер съёжился.

— Да, но где же... гм... гм... Кажется, за время моего отсутствия кое-что изменилось, — пробормотал он растерянно.

— Ну, ничего, — успокоил его секретарь посольства, — изменилось не столь уж многое. Вы быстро привыкнете и к тем, кто заменил фюрера, и к другим новшествам! Очень быстро, будьте уверены!

Перевод с немецкого из сатирического журнала «Ойленшпигель» (ГДР).

УМСТВЕННЫЙ ПАРАЛИЧ

Умственный паралич — новейшая американская болезнь. За последние годы она получила широкое распространение главным образом в высших сферах Вашингтона.

Некоторыми наблюдателями высказываются вполне обоснованные предположения, что эта аристократическая болезнь вызывается хронической жаждой мирового господства и особенно бурно прогрессирует на почве увлечения «политикой силы».

Умственный паралич — довольно тяжёлое и серьёзное заболевание. По предварительным и ещё неполным данным, эта болезнь представляет собой частное затмение ума (при котором ум заходит за разум наполовину или больше, однако ещё не полностью).

Течение болезни своеобразно и любопытно. На первый взгляд поражённый субъект как будто находится в здравом уме и твёрдой памяти. Больной более или менее сносно разбирается в домашней и международной обстановке, но как быть и что делать завтра, сообразить решительно не может. Заболевший испытывает острое скудоумие и теряет какую бы то ни было перспективу.

Классический образец умственного паралича был недавно публично продемонстрирован неким мистером Симмсом — бывшим редактором иностранного отдела американского газетного концерна Скриппс-Говарда.

Эта добровольная демонстрация происходила в последнюю декаду августа. Она была проведена в дни брюссельского провала американской дипломатии и накануне торжественных похорон американского плана создания «европейской армии» во французском Национальном собрании. Именно в эти «плачевные» дни Симмс опубликовал в газете «Нью-Йорк уорлд телеграм энд Сан» свою статью, насквозь пропитанную горячими слезами по поводу мрачных судеб американской внешней политики.

«Я весьма обеспокоен, — печально сообщает Симмс, — состоянием наших отношений за границей. Соединённые Штаты почти так же «популярны» в Европе сейчас, как гитлеровская Германия в 1938—1939 годах... Я сомневаюсь, что у нас есть хоть один союзник, на которого мы могли бы действительно положиться...»

Несмотря на то, что горе бывшего редактора совершенно безутешно, оно, тем не менее, вполне поддаётся описанию. Симмса, по его словам, весьма огорчает, что повсюду в мире:

«Нас изо дня в день, из года в год **представляют**, будто мы хотим войны, в то время как Советский Союз требует мира. Нас **представляют** таким образом, что мы навязываем сопротивляющемуся миру дорогостоящую гонку вооружений, в то время как Россия призывает к разоружению,

что мы пытаемся заставить европейцев участвовать в угодной американцам захватнической войне,

что мы используем американские доллары для покупки европейской молодёжи в качестве пушечного мяса в целях спасения своей молодёжи,

что если бы не жадность американцев, то люди давно бы жили в мире».

Разумеется, после подобных причитаний Симмса читателям американской газеты хотелось бы услышать от почтенного зубра жёлтого газетного треста некую положительную программу, какие-то конструктивные предложения, какие-нибудь новые идеи.

Ничего подобного, однако, не случилось. Симмса как будто подменили. Сколько он ни раскидывал умом, сколько ни шевелил мозгами, а никаких путных предложений внести так и не смог. Но, поскольку деваться уже было некуда, Симмс преподнёс правящим вашингтонским кругам такой глубокомысленный совет:

«Необходимо, чтобы мы проявили инициативу, чтобы мы предприняли что-то решительное, что-то конструктивное, что-то значительное, что-то такое, что могло бы захватить воображение мира. Мы должны сделать что-то, чтобы показать миру...»

И так далее. Эти наставления Симмса в точности напоминают премудрый совет некоего придворного нахлебника царьку безымянного государства из старинной русской сказки. Как известно, он рекомендовал царьку отправить подъяремного стрельца Андрея в тридцатое царство, за тридевять земель с таким наказом:

«Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что!» или «Сходи в город Ничто и принеси неведомо что!»

Несчастный мистер Симмс, — несомненно, образцово-показательная жертва модной вашингтонской болезни, которую сами американцы ехидно назвали «умственным параличом».

Но кто же именно открыл это странное заболевание?

Честь открытия умственного паралича принадлежит персонально вашингтонскому корреспонденту газеты «Нью-Йорк таймс» Рестону. Это он ещё три года назад поведал миру:

«Здесь, в Вашингтоне, наблюдается своего рода умственный паралич в отношении почти всех главных вопросов, касающихся русских».

Таким образом, мистер Симмс является отнюдь не первой и, видимо, не последней жертвой этого новейшего американского недуга. Да и что ж тут удивительного?

Агрессивная внешняя политика США представляет собой такую бесплодную пустыню, что в ней начинают чахнуть и парализоваться не только рядовые, но и самые лучшие умы бизнесменов.

Медицина же может лишь констатировать факт возникновения новой болезни. Исцелить заокеанского политика, разбитого умственным параличом, она бессильна.

М. ПОЛИКАНОВ

После манёвров американских войск в Австрии дорога Ламбах — Вимсбах стала непригодной для движения транспорта.

Рисунок Л. БРОДАТЫ.

— Эй, капрал, гони этих туземцев в шею! Они портят нам все дороги...

Нильс ВЕРНЕР

Превосходная перспектива

Как сообщает гамбургский журнал «Дер шпигель», в возрождаемом вермахте предполагается упразднить военное звание «капитана санитарной службы». Войскового врача солдаты должны будут именовать «господин доктор».

Печётся Бонн о будущем солдате.
Увечных участь радостная ждёт:
Невинно-белоснежные кровати
И добрый дядя в докторском халате,
Который им таблетки раздаёт.

Солдат безрукий, истекая кровью,
Тотчас забудет бомб зловещий вой,
Лишь доктора узрит у изголовья
И сможет называть его с любовью
Не «капитан», а «доктор дорогой».

И если надо вам отрезать ногу,
То доктор скажет: «Бедный мой малыш!
Поранил ножку... Потерпи нежного.

С тобой здесь дядя доктор, слава богу!
Взмахнёт пилой — и нет ноги, глядишь.

Исполненный любви, как голубица,
Он поспешит туда, где слышен стон.
«Ах, милый мальчик, плакать не годится!»
Расскажет сказку, даст воды напиться
И погрузит тебя в последний сон.

Когда ходил он в чине капитана,
Он был официален и сердит,
На пациентов рявкал постоянно...
А это — «дядя доктор» — так гуманно
Среди огня и грохота звучит!

Воздайте же хвалу такой заботе!
Зачем вам в одиночку помирать?
В предсмертный час родню вы обретёте:
И дядя доктор есть, и обер-тётя...
Ну как тут боннским воином не стать?!

Перевёл с немецкого
Лев ГИНЗБУРГ.

О п а с н ы е л о з у н г и

На днях газета «Вашингтон пост» устами своего корреспондента Уильяма Макгэффина заявила, что лозунг «Азия для азиатов» есть «лозунг коммунистической пропаганды».

Американским сенаторам определённо не мешает разобраться в этом изречении Макгэффина. Не хочет ли он сказать, что доктрина «Америка для американцев», выдвинутая президентом США Монро ещё в начале прошлого века, тоже является «коммунистическим лозунгом»? Точнее: не эта ли самая формула выражается в бесчисленных пожеланиях, которые можно услышать и увидеть в любой стране, превращаемой Соединёнными Штатами в свою военную базу: «Американцы, убирайтесь к себе в Америку!»

Президент Монро, конечно, мог и не предвидеть, что его афоризм обернётся таким образом, но смягчает ли это обстоятельство его вину?

Американским сенаторам, по горло заваленным делами об «антиамериканской деятельности», придётся, как видно, обратить особое внимание ещё и на архивы покойного президента.

ВОЗЛЕ ХРАМОВ БЕЗНАДЕЖНОСТИ

...Более двухсот тысяч человек тянутся через Западный Берлин, словно вечные пилигримы.

Куда они тянутся? Путь у них строго определён. Эти люди проделывают своё невесёлое путешествие к биржам труда. Зачем они туда ходят? Получить работу? Ничего подобного: на отметку, чтобы не лишиться пособия. Недавно случилось невероятное происшествие. Тридцать два инженера, отбыв срок на курсах переквалификации при бирже труда, получили какие-то должности. Конечно, это капля в море, но всё же происшествие взволновало: кому-то повезло, кто-то уже не будет стоять в очереди за пособием.

Кстати, о пособиях. Вот бухгалтер К. От своей профессии он оторван четырнадцать лет: «Сначала, знаете, война, а потом безработица». У него двое детей. Пособие — сто шестьдесят марок. Треть уходит на содержание квартиры, остальных еле хватает на то, чтобы досыта наполнить желудок самой простой пищей. Но ведь, кроме еды, нужна одежда, хочется хоть чем-нибудь скрасить детям унылую, безрадостную жизнь, хотя бы раз в месяц сходить в кино или в театр. На это нужны марки. А где их взять? Некоторые ухитряются: ищут случайной работы, играют на аккордеоне в трактире за углом, у некоторых предприимчивые жёны — шьют и вяжут для знакомых и незнакомых. Но ведь есть доносчики. Долго ли сочинить анонимное письмо и послать его на биржу труда? А у биржи нет работы, зато много контролёров — человек двести, не меньше. Их называют «детективами чёрного труда».

И вот анонимное письмо с адресом фрау Х. в кармане у детектива. Звонок у входной двери.

— Что, фрау Х. нет дома? Утром нет дома? Странно... Где же она может быть?

Ждите, вечером детектив снова позвонит, чтобы наверняка застать фрау Х. за примеркой платья, которое она шьёт какой-то незнакомке. Напрасно уверять, что это вовсе не незнакомка, а родственница по мужу, — детектив перероет всю родословную и докажет, что заказчица ни в каком родстве не состоит. На первый раз с фрау Х. взыщут не особенно строго — вычтут из пособия нелегально заработанную сумму.

Одиноким пособие меньше — сто пятнадцать марок. Вот герр К. Он без работы четыре года. Наконец знакомые (а не биржа труда) находят ему место — сто восемьдесят марок в месяц. Для начала как будто неплохо. Но герр К. отказывается. Понадобятся деньги на проезд, да и есть будешь больше, а разница между пособием и жалованьем не такая уж большая: «Спасибо, не стоит».

Всё это мы прочитали в статье Мартина Пфейделера «Берлин — свалка германского рынка труда», напечатанной в швейцарской газете «Ди вельтвухе».

Автор меланхолично констатирует: «Слишком часто слышишь от безработных это «не стоит». Люди устали, они существуют кое-как. Все функции организма вялы, уже не хватает решимости, чтобы снова их оживить».

Но отказываться от невыгодной работы можно только в том случае, если её нашли знакомые. Не дай бог, если такую должность предлагает биржа труда. Вслед за вашим отказом последует другой, более страшный, — отказ в пособии.

Можно на крайний случай раздобыть врачебную справку, что герр К. по состоянию здоровья не может выполнять предлагаемую работу. Разве трудно и перманентно безработного найти какие-нибудь нарушения функций организма?

И вот тут сквозь наигранное сочувствие у автора прорывается раздражение. Безработные должны были бы хвататься за лю-

бую работу, а они, видите ли, выжидают. Просто лодыри. Избаловались!

Кто эти люди? Среди десяти тысяч безработных, зарегистрированных на бирже квалифицированного труда номер один, имеются все профессии, требующие диплома: режиссёры, художники, скульпторы, научные работники. Одних писателей и журналистов зарегистрировано 627 человек, из них 177 женщин. Многие когда-то были известны в своей области.

Несколько лет идут работы по благоустройству Груневальда, любимого места отдыха берлинцев. Кого здесь только нет! Агрономы и машинистки, редакторы и часовщики, инженеры и портные — люди самых различных профессий и знаний. Всех согнала сюда нужда и опасность лишиться пособия.

В большой моде различные курсы переквалификации и повышения квалификации. Особенный успех у курсов для безработных танцовщиц. Ещё бы, в Байрейт недавно приглашено девятнадцать балерин, десять танцовщиц уехали в Гамбург, во «дворец развлечений»...

Слесарям, монтажникам, административным и торговым служащим повезло меньше, чем балеринам. Они «не требуются». А годы бегут, и незаметно подбигрывается старость. И когда-нибудь попадёт на глаза, словно в жестокую насмешку, объявление: «Нужны квалифицированные слесари... возраст не свыше 45 лет».

Мартин Пфейделер всё рассмотрел, всё заметил. «Безработные Западного Берлина одеты не в тряпье. Правда, некоторые из них плохо выглядят, в общем же они не истощены, у всех хорошая обувь. Но если постоять около одной из бирж и посмотреть на их лица, становится страшно: столько в них усталости, тупой покорности!»

Одного лишь Мартин Пфейделер так и не понял — источника пополнения армии безработных. По его мнению, усталые люди, стоящие в изнурительных очередях у бирж труда, — это «свалка лома... обычные «обломки» современного рынка труда». В своих бедах они виноваты сами — или стары, или не хотят менять профессии; как будто старость — преступление, а нежелание менять привычную профессию — тяжкий проступок!

Мартин Пфейделер не говорит об истинных причинах безработицы в Западном Берлине и никогда, наверное, не скажет. Иначе бы ему пришлось рассказать многое такое, что придётся не по вкусу руководителям Западной Германии и их заокеанским хозяевам.

...И вот «обломки» ежедневно тянутся к девяти храмам безнадёжности — биржам труда, чтобы в тысячный раз услышать стереотипный ответ: «Работы нет, и неизвестно, когда будет».

Горькая участь, страшная жизнь!

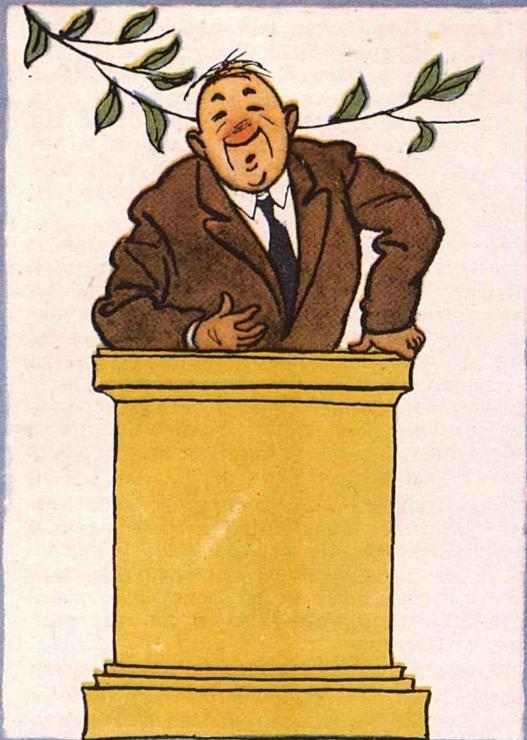
И всё это рядом с другим Берлином, где слово «безработный» исчезло из обихода и никогда не вернётся.

Арк. ВАСИЛЬЕВ

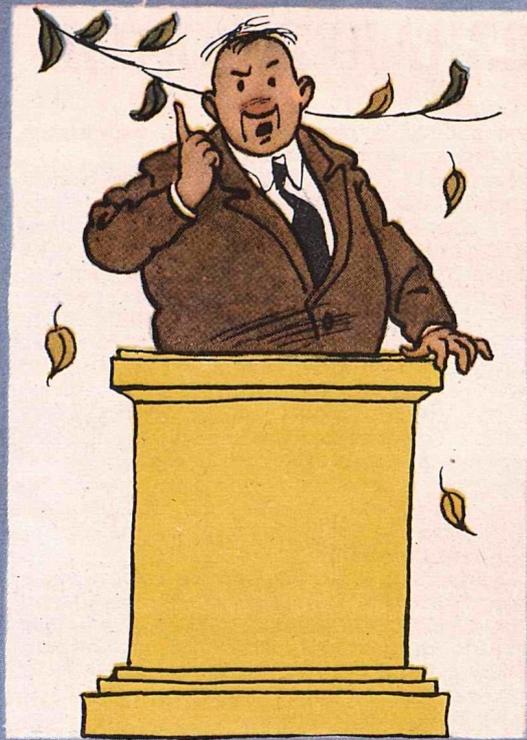
Рисунок Вор. ЕФИМОВА.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪЕЗД
(Бродвей, 1954 год)

— Товарищи! Нужно готовиться к зиме изо дня в день!..

— Нужно быть готовыми к приходу зимы с часу на час...

— Нужно быть готовыми с минуты на минуту.

В. БАХНОВ, Я. КОСТЮКОВСКИЙ

Критические СОНЕТЫ

Вместо предисловия

Суровый Дант не презирал сонета,
И потому мы склонны полагать,
Что поэтическую форму эту
И критики могли б употреблять.
Сонет — четырнадцать коротких строчек,
Как ни вертись, четырнадцать всего,
Нельзя длиннее, и нельзя короче,
И в этом преимущество его.
Редактор не промолвит: «Длинновато.
Подсократить сонет немножко надо».
Нет, у сонета есть незыблемый размер:
Четырнадцать коротких строк — и точка,
И всё, что не вместилося в этих строчках,
Ты вынужден отбросить... Например:

Объективный сонет

(Рецензия на спектакль «Деревня»)

Спектакль «Деревня» вызвал много споров.
«Вечёрка» пишет, что спектакль хорош,
Что в нём видна работа режиссёра
И дебютирует удачно молодёжь.
В другой газете пишет критик Хворов,
Что главное в спектакле — фальшь и ложь.

— Удивляюсь, почему мы из года в год опаздываем подготовиться к зиме!..

Что плох и постановщик и актёры
И хуже декораций не найдёшь.
Одни твердят, что пьеса актуальна
И что поставлена она монументально,
Другие — что спектакля вовсе нет.
А лично я уверен в том, что... Впрочем,
Окончено уже тринадцать строчек,
Мне высказаться не даёт сонет.

Самокритический сонет

Газета «Правда» верно указала
Литкритикам журналов и газет,
Что мы друг друга критикуем мало,
А самокритики у нас в помине нет.
Да, нам скрывать ошибки не пристало.
Вот, скажем, Зет. Он пишет сущий бред,
Его статьи в газетах и журналах
Не пользу нам приносят всем, а вред.
Не зря и Игрек пишет слишком много,
А Икс совсем не пишет неспроста;

Теперь хочу я разобраться строго
В своих весьма серьёзных недоста...
Но вот уже тринадцатая строчка,
И мне сонет велит поставить точку.

Смелый сонет

(Рецензия на книгу Платона Кукушкина «Зелёный порошок»)

Платон — мне друг... Но разобрать пора нам
Его роман «Зелёный порошок»
И, указав достоинства романа,
Отметить то, что в нём нехорошо.
В романе, несомненно, есть изъяны,
Но вот вопрос, что должен быть решён:
В чём главное достоинство романа?
Роман, бесспорно, издан хорошо.
Ещё нельзя нам не отметить то, что
Эпиграф подобрал писатель точно
И что в конце кончается сюжет.
Теперь вернёмся к недостаткам... Впрочем,
Окончено уже тринадцать строчек,
Я умолкаю, как велит сонет.

Вместо послесловия

Как видите, совсем нетрудно это
Для овладевших формой мастеров —
Свивать лавровые венки сонетов
Из самых злых критических шипов.

Рисунки Ю. ГАНФА.

Ревизоры из Махачкалы

Возле красивого монументального здания эссендукской грязелечебницы произошла неожиданная встреча.

— Александр Тимофеевич! Сколько лет, сколько зим! Давно в Эссендуках? В каком санатории?

— А, Николай Львович! Какая приятная неожиданность! Вы-то какими судьбами? Вот уж кого не ожидал здесь встретить! Никак не думал, что вас в такой напряжённый момент с работы отпустят. Или язва уж очень разыгралась?

— Да язвы, собственно, никакой у меня нет. Откровенно говоря, я не лечиться сюда приехал, а в служебную командировку.

— А не скажете ли, уважаемый, если это не секрет, в чём заключается цель вашей командировки?

— Видите ли, я проверяю, так сказать, детское житьё-бытьё — пионерские лагеря.

— Какое поразительное совпадение! Я тоже здесь по детской части. И, представьте, тоже проверяю пионерские лагеря.

Александр Тимофеевич и Николай Львович многозначительно переглянулись.

— Не пойти ли нам, Александр Тимофеевич, в «Кавказ»? Это, знаете ли, местный ресторан так называется.

— Да я уж плотно пообедал. В лагере госторговли сегодня давали на обед украинский борщ со сметаной, жареную утку с капустой, компот.

— Я, конечно, тоже уже пообедал. В учительском лагере также неплохо кормят: рассольник, индейка, фрукты. Но ведь хочется немного отдохнуть от командировки, освежиться...

— Что ж, предложение, как говорится, заслуживает внимания. Кстати, там за рюмкой... чая поговорим поподробней, поделимся впечатлениями.

Друзья пересекли тенистый лечебный парк и вышли в центр города. В это время их внимание привлекла запылённая «Победа». Возле машины стоял высокий, стройный мужчина.

— Ба, кого я вижу! Александр Тимофеевич, Николай Львович! Вот кстати, так уж кстати. Представляете, второй день тряусь, еле доехал, пять раз колёса меняли.

— Вы что, Алихан Максудович, сюда лечиться приехали?

— Нет, не лечиться. Проверять пионерские лагеря.

— А, проверять! Тогда ясно, идёмте...

Воспользуемся временем, пока земляки «делятся впечатлениями» в эссендукском ресторане «Кавказ», и расскажем, кто они и зачем очутились в городе-курорте.

Александр Тимофеевич скрипник работает заместителем министра торговли Дагестанской АССР. Инженер Николай Львович Малиновский исполняет сейчас обязанности начальника управления топливной промышленности, а Алихан Максудович Рамазанов является министром коммунального хозяйства ДАССР.

Что же привело этих ответственных товарищей в Эссендуки? Как мы видели, приехали они сюда не для лечения. Катарями и гастритами они не страдают.

В Эссендуках и других городах Кавказской минераловодской группы было организовано несколько пионерских лагерей, где отдыхают дети из Дагестана. И вот под предлогом проверки работы этих лагерей сюда без конца ездили из Махачкалы ответственные работники.

Захотелось, скажем, Николаю Львовичу Малиновскому отвлечься от топливных дел, отдохнуть, развлечься — и... командировка готова. Конечно, для этого пришлось преодолеть некоторые трудности, но свет, как говорится, не без добрых людей.

Один из таких добряков за счёт государства — заместитель министра местной промышленности тов. Измайлов — направил в Совет Министров ДАССР на имя тов. М. С. Омарова отношение:

«Прошу выдать командировочное удостоверение главному инженеру министерства тов. Ма-

линовскому Николаю Львовичу, командируемому в гор. Эссендуки по вопросу проверки пионерлагеря. Срок командировки — 5 дней».

Удостоверение было выписано. И вот Николай Львович разгуливает по эссендукским улицам. Его не особенно тянет в лагерь профсоюза работников коммунального хозяйства, где также отдыхает небольшая группа детей рабочих и служащих местной и топливной промышленности. Никакой проверкой он там, конечно, не занимался, тем более, что в этом лагере за несколько дней до того был тов. Рамазанов.

Тов. Малиновский больше интересовался лагерем союза работников госторговли и Курортным бюро. В первом учреждении отдыхала дочь Николая Львовича, а во втором он пытался приобрести путёвку или в крайнем случае курсовку для своей жены.

Не в пример другим умело рационализировал свои «служебные» командировки в Эссендуки тов. Рамазанов. Зачем тратить время на приобретение железнодорожных билетов, зачем трястись в душном вагоне, когда есть «Победа»?

Алихан Максудович одевается в дорожный костюм, садится в машину и катит в Эссендуки «проверять» пионерские лагеря. Едет раз, затем второй...

Командировочная горячка охватила и многих руководящих профсоюзных работников. Например, председатель обкома профсоюза рабочих коммунального хозяйства И. А. Даудова с мая по июль побывала в Эссендуках пять раз, на что обком профсоюза израсходовал 1350 рублей.

Но, как ни старалась И. А. Даудова, рекорд

остался не за ней. Пальму первенства в соревновании командировочных определённо нужно отдать товарищам из обкома профсоюза мелработников. За два с половиной месяца председатель этого обкома А. М. Мурзаева и исполняющая обязанности секретаря А. Ф. Ткачева ухитрились побывать в Эссендуках девять раз, прожив там в общей сложности свыше 60 дней. Обошлись обкому союза эти увеселительные прогулки, то бишь командировки, ни много, ни мало, как в 4500 рублей.

Помимо указанных лиц, немало времени затратили на «проверку» пионерских лагерей председатель обкома профсоюза работников связи Я. Фараджев, председатель обкома союза работников госторговли А. Долгая, председатель обкома союза работников культуры С. Хизроева и многие другие.

Говорят, что и сейчас многие из этих «ревизоров» лихорадочно готовятся в очередную командировку в города-курорты Кавмингруппы.

Спешат, торопятся любители развлечься за государственный счёт, а добрые дяди из Дагсовпрофа и различных ведомств потворствуют этому.

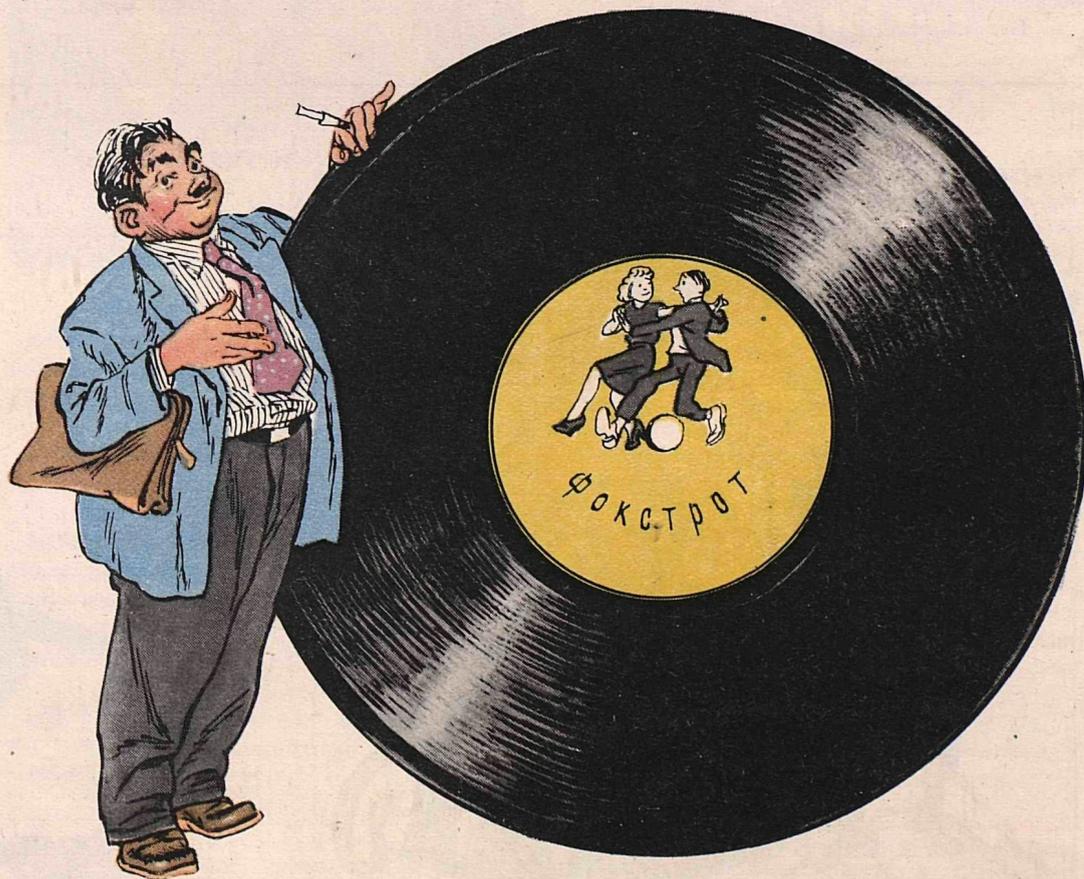
Нам думается, что только на деньги, ежегодно расходуемые на подобные «служебные» командировки в Эссендуки, Кисловодск, Пятигорск, Железноводск, можно было бы создать замечательные пионерские лагеря в живописных местах Дагестана.

Но, как ни странно, организация пионерских лагерей внутри республики многим не по душе. Ведь если в городах-курортах Кавмингруппы не будет дагестанских лагерей, то многочисленные «ревизоры» из Махачкалы лишатся повода ездить туда для отдыха в длительные и краткосрочные «командировки»!

А. КЛЮЕВ,
Н. ОСИПЕНКО

«Дагестанская правда»,
г. Махачкала.

Рисунок Вл. ДОВРОВОЛЬСКОГО.

ДИРЕКТОР ДОМА КУЛЬТУРЫ: — Вот единственный кружок, который у нас работает с полной нагрузкой.

ВИЛЫ В БОК

ПРО ФОМУ И ПРО ЕРЕМУ

Может ли курица нести огурцы?

Редакция чановской районной газеты Новосибирской области отвечает на этот вопрос утвердительно. В № 48 упомянутой газеты помещён фотоснимок: большая, просторная теплица, и на переднем плане девушка раскладывает по ящикам огурцы. Очень симпатичная девушка. И огурцы, видать, первый сорт. Но подпись под огуречной иллюстрацией категорически утверждает:

«Братцевская птицефабрика... Хороших производственных успехов добилась комсомолка Л. Коновалова. От закреплённых за нею кур она собрала за три месяца на 5 тысяч яиц больше задания. На снимке Л. Коновалова.»

Трудно, конечно, заподозрить, что редактор чановской газеты Я. М. Ривкин за обеденным столом не может отличить яйца от огурца. А вот за редакторским столом не отличил!

Впрочем, своего чановского коллегу, безусловно, перешеголял редактор газеты «Колхозный призыв» М. Т. Назарков (Шилловский район, Рязанской области). Развернули читатели номер этой газеты от 5 августа — и диву дались. На снимке — толпы народа, развеваются флаги. А под снимком подписано: «Успешно ведут уборку зерновых механизаторы Щёкинской МТС». На снимке — комбайновый агрегат Д. Чекмасова на уборке хлебов в колхозе «Новая жизнь».

Разглядывают читатели фотоснимок и никак не найдут, где там хлеба и где Чекмасов. Уж больно много народу на снимке — тысячи людей заполнили огромную площадь. Да и колхоз какой-то особенный — по краям площади роскошные дворцы с колоннадами.

— Батюшки-светы! — воскликнули читатели.

ли.— Да это же — открытие Всесоюзной сельскохозяйственной выставки!

Мораль ясна. Мы речь ведём к тому, Чтобы внушить редактору иному: Когда даёшь ты подпись про Фому, На снимках не показывай Ерему.

НЕПОДВИЖНАЯ ТЕЛЕЖКА

Кому не памятна поучительная история о том, как «Лебедь, Рак да Щука везти с поклажей воз взяли!»

Как известно, вышперечисленные упряжные тянули каждый по природным наклонностям в свою сторону и воза не двинули.

Заправочная тележка для машинно-тракторных станций не столь тяжела, как злополучный воз, к тому же везти её взяли не слабые представители пернатых и водного царства, а несколько предприятий разных министерств, но механизаторы колхозных полей сегодня со вздохом говорят: «А тележка и ныне там!»

«Там» — это значит на дворе Омского обозостроительного завода. И всё дело в том, что сил у тех, кто должен вывезти тележку на поля, много, а ладу в «упряжке» нет.

На долю Омского обозостроительного завода пришлось задание выпустить в этом году 2500 заправочных тележек. Обозостроители взяли за дело горячо, тянули за гуж, не говорили «не дюж». Один за одним начали выкатываться из цехов на заводской двор остовы тележек. Их бы со двора и на поля, но...

В «упряжке» не один Омский обозостроительный завод. Для комплектования заправочной тележки смоленский завод «Метиз» должен поставлять бочки, Пугачёвский механический завод — трёхходовые краны, завод Свердловской конторы Главхимсбыта — бензостойкие напорные рукава, Московский штамповочный завод — воронки, кружки, вёдра и т. д., и т. п.

И вот омские обозостроители что есть мочи тянут вперёд, а их «пристяжные» — назад. Остовы готовы, нет арматуры.

Трогательными письмами и телеграммами добьются обозостроители от директора смоленского завода «Метиз» тов. Куркова партию бочек — кранов нет!

Взмолются перед директором Пугачёвского механического завода:

— Товарищ Фудиман, потяните вперёд, дайте краны!

Заполучат малую толику этих деталей — начинается морока с бензостойкими рукавами. После больших хлопот добьются рукавов — надо напоминать директору Московского штамповочного завода, что тянет назад: не даёт вёдер, воронок, кружек.

— Что же! — воскликнут читатели. — Неужели нет никого ответственного за выпуск тележки?

Как же, есть! В Главном управлении обозостроения Министерства местной промышленности РСФСР ответственным за выпуск тележек является один из начальников отделов, тов. Батозский, а в Обозснабе Главобозостроения отвечает за обеспечение выпуска тележки материалами тов. Эпштейн. Вот им бы соединёнными усилиями и организовать дело, повернуть всех директоров заводов лицом к колхозным полям:

— Вывозите тележку, там её ждут!

Но товарищи Батозский и Эпштейн стоят в позах гоголевских мужиков, наблюдавших за чиковской коляской: доедет или не доедет?

Получив неутешительную сводку с Омского завода (сводки запрашиваются регулярно), они разводят руками:

— Не доедет!..

Требуется от изготовителей заправочной тележки не так уж много: одно дружное усилие.

Кто бы скомандовал им: «Раз, два — взяли!»

КТО ВИНОВАТ!

Если председатель исполкома Волошинского райсовета Каменской области И. Кутняк и секретарь исполкома райсовета И. Тарасов имеют собак, то оба они сидят на привязи...

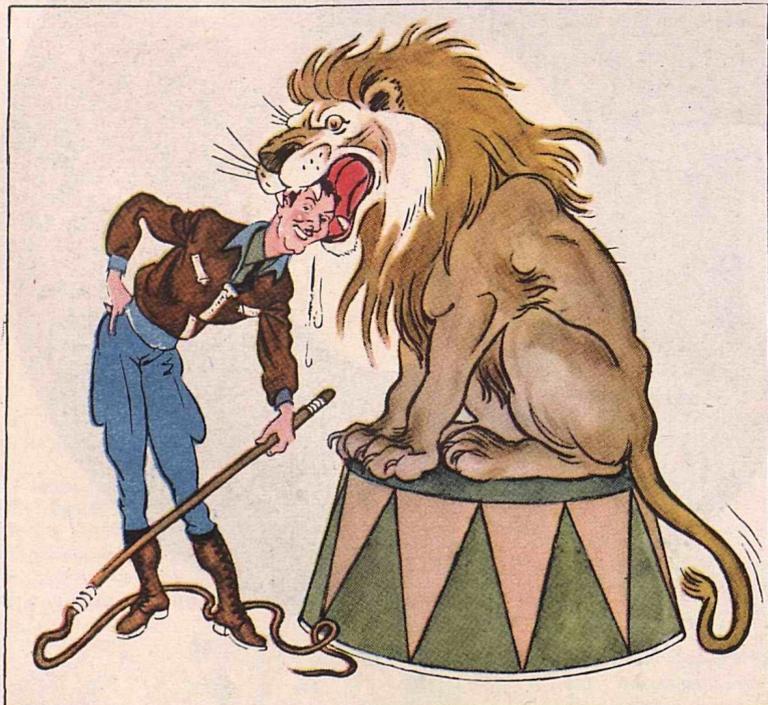
Основанием для такого обращения с ними служит вступившее в силу 15 августа сего года решение Волошинского районного Совета депутатов трудящихся «О мерах по борьбе с бешенством животных». Первый пункт этого решения, опубликованного в районной газете за подписями самих же тт. Кутняка и Тарасова, гласит: «Обязать всех владельцев собак держать только на привязи».

Назвался груздем — полезай в кузов! Тем более, что, согласно пункту 7-му, «контроль за виновными настоящего решения» возложен на органы милиции и районный ветнадзор.

А на кого возложен «контроль за виновными» в том, что «настоящее решение» смогло выйти в свет?

СУЕВЕРНЫЙ УКРОТИТЕЛЬ

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

Сильнее кошки зверя нет.

Дорогой Крокодил!

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Можешь меня поздравить. Саратовское областное управление культуры дало высокую оценку работе нашего Вольского драматического театра. Мне как главному режиссёру предоставлена творческая командировка в Ленинград. Правда, намеченный приказом срок командировки маловат — всего 8 дней. Однако и такая перспектива меня радовала, если бы...

Если бы в Управлении культуры не поспешили разяснить, что в срок моей творческой командировки входят 3 дня пути от Вольска до Ленинграда и столько же обратно. Оставшиеся 48 часов я могу, следовательно, истратить на творческие цели: на ночле, приобретение билета на обратную поездку и, может быть, беглый осмотр Ленинграда...

Вот и посоветуй, дорогой Крокодил, что мне делать. Отказаться от командировки — значит лишить Управление культуры возможности проставить галочку в графе «Помощь районным театрам». Поехать — значит зря истратить государственные деньги.

Пожалуй, всё-таки не поеду. Шут с ней, с отчётностью!

В. ПЕТРОВ,
главный режиссёр
Вольского драматического театра.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Через реку Лугу, к северу от станции Передольской, на протяжении добрых 30 километров нет ни одной переправы. Люди перебираются с берега на берег и вброд, и вплавь, и на самодельных плотах, — словом, кто как сможет. Особенно трудно приходится при этом школьникам.

Конечно, говорить о прокладке под рекой Лугой пешеходного тоннеля ещё рановато. Преждевременно поднимать вопрос и о перевозках через Лугу на вертолётах. Однако поставить здесь хотя бы простенький мост или устроить лодочную переправу давно пора. Кому же взяться за дело?

— Безусловно, тому райисполкому, который находится на левом берегу! — утверждают в правобережном Батецком районе, Новгородской области.

— Ну, разумеется, тому, кто находится на правом берегу! — полагают в левобережном Лужском районе, Ленинградской области.

А ведь река Луга не так уж широка. При желании, находясь и на разных её берегах, можно без труда договориться.

Педагог Е. ПОЛЯКОВА

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Если ты надумаешь приехать к нам в Шортанды, то имей в виду, что ночевать приезжему у нас негде.

Ты, небось, удивлён? Как же так: в районном центре и не обзавелись гостиницей? Видишь ли, была она у нас, но вот уже почти год, как её заняли посторонние жильцы. Прямо средь бела дня повыбрасывали из номеров чемоданы приезжих, внесли свои вещи и обосновались, как у себя дома. Весть об этом самоуправстве дошла до Акмолинского облисполкома и даже до Совета Министров Казахской ССР. Оттуда полетели телеграммы в наш райисполком с категорическими требованиями: «Освободить гостиницу и использовать её по прямому назначению!» Но новосёлы и ухом не ведут.

Ты спросишь: а как относятся к этому местные органы власти? Почему председатель райисполкома тов. Мусабаев церемонится со злостными нарушителями порядка? Почему не высылит их через суд?

Гм... видишь ли, дорогой Крокодил, если бы Мусабаев на самом деле решил не церемониться с теми, кто незаконно вселился в гостиницу, то ему пришлось бы выселять через суд... свою собственную персону.

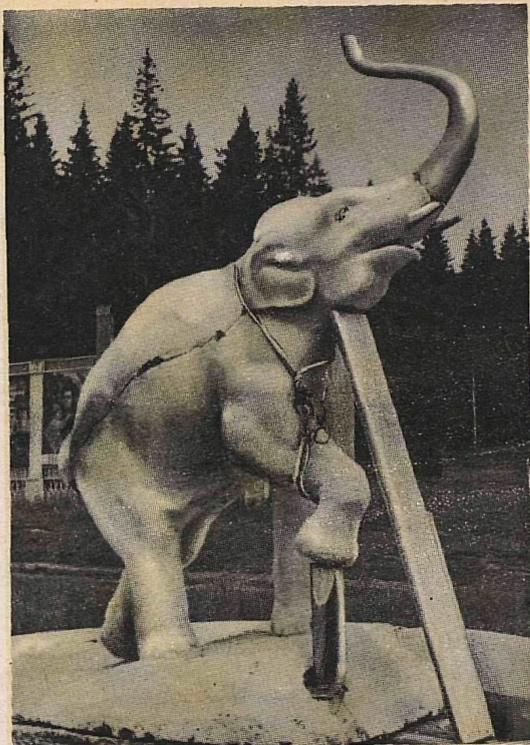
...О тех, кто умеет ловко улаживаться, говорят, что у них где-то есть рука. У Мусабаева дело обстоит ещё проще. У него своя рука — владыка.

Ф. ЛИТВИНОВ

Шортандинский район,
Акмолинской области.

Фотовитрина Крокодила

НЕПРИМЕТНЫЙ СЛОН

Этого двухметрового слона может увидеть любой читатель, стоит только ему приехать в Ижевск и зайти в городской парк культуры и отдыха.

Какое отчаяние написано на морде доброго животного! И недаром!

Ведь этот слон вот-вот развалится!

Председателю горисполкома тов. Ульяновскому, видимо, не раз случалось отдыхать в парке, но он ничего такого не замечал. И получается совсем как в крыловской басне:

«А видел ли слона? Каков собой на взгляд!»

«Да разве там он?» — «Там». — «Ну, братец, виноват:

Слона-то я и не приметил».

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО

ПРОСИМ ВЫПИСКУ!

Входящая почта прокуратуры Чаткальского района, Таласской области, за последнее время резко увеличилась. Руководители всех учреждений, организаций и предприятий приступили к исполнению прокурорского циркуляра:

«...издаваемые Вами приказы, как то приём на работу, увольнение с работы, уход в отпуск, поощрение личного состава и ряд других приказов, которые Вами изданы, Вы обязаны выписки из приказа представлять в прокуратуру для проверки правильности издаваемых Вами приказов и в порядке общего надзора. Однако до сего времени Вами не было представлено. В связи с этим, прошу с апреля по настоящее время издаваемые Вами приказы — выписки направлять в прокуратуру, и в дальнейшем направляйте без задержки».

И вот в прокуратуре хлопают целый день двери, посыльные непрерывной чередой доставляют срочную почту, секретарь расписывается в равносных книгах и вскрывает пакеты. И прокурор тов. Кибраев без всякой задержки узнаёт, где приняли на работу новую машинистку, кто уходит с первого числа в отпуск, кого можно поздравить с премией...

Но, может быть, через некоторое время эта информация прискутит прокурору? Не исключено, что он издаст приказ об отмене своего циркуляра. Тогда просим прислать выписку и нам.

И тоже, по возможности, без задержки.

СООБЩАЕМ АДРЕСА

ДЛЯ ДОМАШНЕГО КРАШЕНИЯ

На пакетиках анилиновых красителей обычно значится: «Для домашнего крашения».

Но в продаже встречается и другой, необычный краситель. Им можно не только перекрасить одежду в какой-нибудь один цвет, но и украсить её замысловатым орнаментом.

Причём из длинного ряда условий, которые необходимо соблюдать при обычной окраске, для этого красителя обязательно всего-навсего одно — наличие холодной воды. И пёстрые узоры на вашем платье появляются легко и быстро. С этим также шутя может справиться и маленький дождь, лишь бы краситель находился на ваших плечах.

Носить же на плечах его вполне удобно, так как ему придана форма обыкновенной крепдешиновой косынки. Вот только обозначение «Для домашнего крашения» почему-то опущено.

Если вас устраивает подобный способ отделки платья, то ищите косынку по ярлычку:

«Ессентукская артель «2-я пятилетка»
Ставропольского Крайкоопинсоюза».

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, В. Я. КОНОВАЛОВ,
И. В. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ),
С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-33-47. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

Москва. Изд. № 784. Подписано к печати 9/IX 1954 г. Формат бум. 70 × 108%. 1 бум. л.— 2,74 печ. л.

А 06922. Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2806. Тираж 400 000 экз.

18 СЕН 1954

11167-м

Рисунок В. КОНОВАЛОВА.

«ЗАПИСКИ ОХОТНИКА» (новый вариант).